

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

Ирина Илясова,
краевед

- **письмо солдата** • **негативные настроения**
- **пессимизм** • **страдание** • **неверие в победу**
- **утомлённость**

Как краевед, я часто работаю в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Там я нашла довольно интересный материал, касающийся событий, которые происходили в начале Великой Отечественной войны, — это тексты неотправленных писем немецких солдат и офицеров в Германию и из Германии на фронт.

Привожу содержание некоторых из них.

Как Гитлер пытался обмануть историю и что предшествовало 22 июня 1941 года

Несколько ситуаций последних предвоенных лет складывались для СССР весьма сложно. 14 декабря 1939 г. страну исключили из Лиги наций — за войну против Финляндии, и руководству СССР ставили также в вину широкую территориальную экспансию — присоединение Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, а заодно и договоры о ненападении с Германией и Японией. И обсуждался союз против СССР, а стране в это время помимо военных и экономических забот требовалось обеспечить и политический перевес. Ведь исход будущей войны зависел от умения достойно встретить врага на границе и

вести затем оборонительные сражения, но еще и оттого, кого мир назовет агрессором и кому станет помогать, как не его жертве, и поэтому в 30-е годы подготовка к войне шла по всем направлениям: экономическому, военному, внешне политическому. И. В. Сталин полагал, что страна полностью будет готова сражаться с гитлеровской Германией лишь к началу 1943 г. И поэтому всеми возможными средствами оттягивал неизбежное столкновение. Достигнутый к лету 1941 г. уровень готовности позволял рассчитывать не на такое развитие событий, какое случилось в первые недели войны.

А каким образом готовилась к военным действиям нацистская Германия, об этом говорится в материалах и документах, найденных в Центральном архиве МО РФ г. Подольска.

Официальные немецкие документы 1941 г. говорят о том, что была подготовлена памятка — наставления «Об особенностях войны с Россией», которая была издана Главной войсковой квартирой 25 января 1941 г. Автор — подполковник генштаба Кинцель. Предназначены были для войсковых частей немецкой армии, куда поступила в середине апреля 1941 г., за два месяца до нападения на Советский Союз.

Командующий 1-м танковым соединением генерал-полковник фон Клейст подготовил приказ на наступление, в котором говорится, что фюрер решил «22 июня 1941 г. разбить большевистского врага, пока он не ударил нам в спину. Вместе с приданными пехотными дивизиями мы должны сделать прорыв в пограничных укреплениях и затем своими подвижными частями молниеносно продвинуться на восток. Тогда стоящая перед нами русская армия, распадется. До

этого момента для нас не должно быть ни отдыха, ни покоя».

Из дневника Геббельса (9—15 июля 1941 г.). Фюрер чрезвычайно доволен тем, что маскировка приготовлений к восточному походу вполне удалась и весь маневр проведен с невероятной хитростью. 9 июля 1941 Фюрер сказал, что наступление на Восток нынешней войны в отличие от прошлых войн — это хорошие качества немецкого солдата, добротность военного снаряжения и техники, намного превосходящей противника, особенно фактор внезапности нападения. Фюрер также трезво и реалистично рассмотрел военные прогнозы Германии, говоря, что война на Востоке уже выиграна. Две трети большевистских сил уже уничтожены и уже сильно потрепаны. Пять шестых воздушных и танковых сил могут считаться уничтоженными. И повторение судьбы Наполеона невозможно, хотя мы выступаем в ту же ночь, когда Наполеон перешел русскую границу. От большевизма не должно остаться ничего. Поэтому поход на Восток не идет ни в каком сравнении с прошлогодним походом на Запад. Фюрер намерен стереть с лица земли такие города, как Москва, Киев и Петербург. Ибо мы хотим расчленить Россию на отдельные составные части. Это огромное государство не должно обладать ни духовным, ни политическим, и не хозяйственным центром. Москву стереть с лица земли, и на ее месте устроить гигантское водохранилище. Фюрер хочет сберечь солдат и намерен Петербург и Киев не брать штурмом, а заморить голодом, чтобы с помощью артиллерии и авиации не допустить снабжения окруженного Петербурга. Первыми налетами будут уничтожены водные, электрические и газовые сооружения, и тогда возникнет хаос. А Киев истощить голодом. Война продлится всего шесть недель, а то, что останется, скорее подчистка, руками эсэсовских айнзатц — групп. Жестокость на войне — это благо для будущего, и никаких законов на уничтожение для этого нет.

Из обращения Гитлера к национал-социалистам, немецкому народу и солдатам Восточного фронта. Берлин, 22 июня 1941 г., шла трансляция по радио в течение всего дня. В нем говорилось, что только национал-социалистическая Германия может разбить оковы, наложенные врагом всего человеческого рода — советским

большевизмом, и дать право немецкому народу на достойную жизнь. Я принял сегодня решение передать судьбу и будущее Германской империи и немецкого народа в руки наших солдат. В настоящий момент на Восток идет массовое наступление, являющееся по своему размаху самым величайшим из тех, что видел мир.

В наступлении на Советский Союз ранним утром 22 июня 1941 г. были задействованы немецкие формирования — 153 дивизии, 600 000 моторизованных единиц, 3580 танков, 7184 орудия, 2740 самолетов, 12 дивизий и десять бригад Румынии, 18 финских дивизий, три венгерские бригады, 2,5 словацких. Позже присоединились три итальянские бригады и испанская Голубая дивизия.

Поднимайтесь все! Уничтожайте всех, кто связан дружбой и союзом с советско-англо-американскими подсобниками! Правдой или неправдой, но мы должны победить! И закончил Гитлер такими словами: «А когда мы победим, кто просит нас о методах? Для немецкого солдата нет ничего невозможного!»

В июле-августе 1941 г. войсками Красной армии были захвачены тексты 11 860 писем немецких солдат и офицеров с Восточного фронта СССР в Германию и из Германии на фронт. (Переведенные военными переводчиками.) Все письма сняты с убитых немецких солдат и офицеров. Наиболее характерные тексты писем, неотправленные немецкими солдатами и офицерами женам, сестрам, матерям, друзьям с Восточного фронта в Германию.

Письмо обер-ефрейтора Отто Шульке 27 июня 1941 г.

«Дорогая мама! Наш гениальный фюрер все рассчитал правильно и своевременно напал на этих дикарей. Мы, солдаты фронта, собственными глазами убедились в том, что русскими все было подготовлено для уничтожения Германии. В течении 25 лет они только вооружались и не позволяли своему народу ничего, не строили дороги, удобные квартиры и все это для того, чтобы нанести внезапный удар Германии. Фюрер перед началом великой битвы нас заверил, что все, что могут совершить дух и руки немцев для молниеносного разгрома опаснейшего врага на Востоке, сделано. Наши войска движутся к Москве неумо-

лимо, с невиданной до сих пор силой, как огромный вал, сметая все на пути. Вообще все очень приятно и радостно, а происходящее — велико и прекрасно! Скоро Советская Россия отдаст Богу душу, и я благодарю Фюрера и Всевышнего, что на мою долю выпала его милость и провидение участвовать этом. Ваш любящий сын Отто».

Из дневника немецкого офицера июль 1941 г. унтер-офицера Карла Гессемита, мотоциклиста мотодивизиона (изъято у убитого в районе высоты юго-восточнее села Теплое. Помимо дневника и продовольственных карточек обнаружены неиспользованные «поцелуйные карточки» с отрывными талонами — это карточки на право пользования специальными женщинами, которых немцы возили по тылам.)

«22.06.1941 года в 3 часа 15 минут утра на огненно-красном восходе солнца началось наше наступление на Советский Союз. Русские ни о чем не догадывались. Города и местечки вдоль границы ярко освещены.

23.06.1941 года проехали 100 км, наступаем на Олиту. Первое серьезное сопротивление, натываемся на русские танки. Они храбры, эти русские танкисты. Из горящих машин стреляли до последней возможности.

24.06.1941 года наступательный марш в Фину. Падение Фины.

25.06.1941 года наступление идет вперед. Воздушные бомбардировки. Враг силен.

28.06.1941 года. Достигаем Минска.

29.06.1941 года. Наступление ведет также 64 румынская армия.

03.07.1941 года. Наступательная операция через реку Двину. Происходит сильное сражение. Грохочут тяжелые противотанковые орудия. Дьявольски хорошо стреляют русские.

07.07.1941 года. Наступление приостановлено. Враг очень силен.

09.07.1941 года. Наступление через лес. Попытка неудачная. Пять человек ранено, четыре зенитных орудия выведены из строя. Утром — наступление на Витебск. Город взят. Жара! Сильная жажда. Удивительно, что я еще жив.

12.07.1941 года. Готовимся в бой. Налет авиации — четыре человека ранены.

13.07.1941 года. Уличная борьба возле Сураша. Мост взорван.

14.07.1941 года. Дальнейший форс марш. Расстрелял русского разведчика.

16.07.1941 года. Наступление, только вперед и только вперед! Должны преодолеть расстояние до Курска. Налет шести вражеских самолетов.

20.07.1941 года. Оборона против сильного врага.

27.07.1941 года. Русские пробуют наступать. Наступление приостановлено.

29.07.1941 года. Утром мы меняемся. Я благодарю Бога, что избавился от этого ужаса.»

Письмо солдата Генриха Янзена — 19 июля 1941 г.

«Любимейшая из всех женщин! Наш победоносный марш продолжается, никто и ничто не может нас остановить. Русские отступают с большими потерями, они уже сломаны, война в ближайшие недели закончится. Настроение ликующее! Даже солнце приветствует наш приход на Восток и каждое утро ярко восходит на небе. Красота! Гражданское население, в панике разбежавшееся при нашем приближении, поняло безнадежность положения и, как побитые собаки, с нашими листовками и своими жалкими пожитками возвращаются в свои халупы, которые так хорошо и весело горят. Они поняли, что их единственная защита — мы, немцы, которые несут им свободу и надежду на будущую жизнь. Ради собственной безопасности, ведь не знаем, чего ждать от этих дикарей, мы выполняем установку командира: "Русский — твой личный смертельный враг, и самое лучшее — если он мертв" Живем мы хорошо, еда регулярная и приличная» Справка о рационе немецкого военнослужащего на территории СССР: Утром полкотелка ячменного кофе, белый хлеб 800 г, мясо 100 г, колбаса или сыр 125 г, в обед — гороховый или картофельный суп с консервами. На второе — пудинг, облитый фруктовым соусом или киселем. Вечером — 20 г маргарина, 80 г плавленого сыра или 50 г португальских сардин или же 100 г колбасы. На день выдавалось шесть штук сигарет. Раз в месяц полагался паек: «Маркитанские товары» 0,5 бутылки шнапса, пять пачек сигарет, и две плитки соевого шоколада, три пачки печенья, жалование: 54 марки в месяц, а солдатам — 37 марок. «Получаем много курительного, на

троих человек — бутылочку водки, которую распиваем за здоровье нашего фюрера. Сегодня зашел в хлев, нашел ведро с парным молоком, вытащил из-под куриц 12 яиц и хорошо позавтракал. Моя драгоценная, желанная Лизбет! Все прекрасно! Единственно, чего не хватает, — это твоего теплого тела и вкуснейшего мохнатого рыжего комочка. Целую каждый сантиметр твоего тела, нежно, темпераментно, как ты любишь. Твой страстный, любящий, голодный муж Генрих».

Письмо неизвестному солдату. Кенинсберг, 25 июля 1941г.

«Дорогой неизвестный солдат!

Я пожелала завязать переписку с неизвестным солдатом и узнала номер Вашей полевой почты. Не удивляйтесь, что я не называю Вашего имени, но я не могу знать его, пока Вы мне его не сообщите. Зовут меня Рут Кее, мне 16 лет, у меня карие глаза, темные волосы и, как говорят, хорошая стройная фигура. Рост 167 см. Я ученица в большом парфюмерном магазине и зарабатываю достаточно, чтобы самой себя содержать. Я люблю возиться на кухне. Люблю маленьких детей и очень люблю танцевать. Надеюсь, что Вы получите это письмо и тотчас дадите мне ответ. А я pošлю Вам в подарок флакон вежетеля (космическая жидкость для смачивания волос), чтобы его прекрасный аромат все время напоминал Вам о девушке Рут из Кенигсберга. Желая Вам, мой дорогой солдат, застрелить побольше русских, особенно евреев, и получить много наград. Вам кланяется с родины и горячо ждет Вашего письма. Рут Кее».

Письмо ефрейтора войск СС Вилли Штенрубе, 25 июля 1941 г.:

«Дорогая мама!

Украина — это сказочно богатая земля, тучный украинский чернозем создан Богом для немецкого плуга, но невежественные, отсталые и ленивые крестьяне не хотят, не умеют и не могут ее как следует обрабатывать. Если дать им современные машины, организовать здесь наш немецкий труд и заставить их по-настоящему работать. Украина может прокормить не только Германию, но и все присоединенные страны и территории.

Мы живем здесь как боги. Куры, гуси, яйца, жаркое, масло, сливки, сметана, соки, вино, мёд — каждый день. Но брать из рук этих грязных и на вид больных людей опасно и страшно: стошнило бы сразу, и я не смог бы в рот ничего взять. Поэтому достаем все сами очень просто, без долгих разговоров, но соблюдая немецкую чистоту. Если мы хотим мяса, то берем свинью, теленка или гусей и режем. Если хотим парного молока — доим первую попавшуюся корову. Если хотим меда, достаем его прямо в сотах, да так ловко, что ни одна пчела не укусит. Вот и сейчас меня зовет товарищ, он очистил один улей, и я спешу отведать свежайшего меда. Вы никогда не пробовали натуральный чистый пчелиный мед, и я обязательно Вам пришлю в посылке этот божественный нектар. Мы с полным правом считаем, что все это богатство и изобилие принадлежат нам. Если же это кому не нравится, то стоит только сунуть в зубы пистолет, и воцарится тишина. Точно также поступают солдаты и когда им нужна женщина. Как ты понимаешь, мы этим сбродом не церемонимся. Особенно они боятся нас — войск СС.

Чувствовать себя победителем и на каждом шагу показывать, что мы, немцы, господа и абсолютные хозяева, удивительно приятно. Мне такая жизнь очень нравится. Одного лишь не хватает — холодного светлого немецкого пива. За месяц я послал Вам четыре посылки. Вещи не прима, но это солдатская добыча, которая не стоила мне ни пфеннига. Как Вы понимаете, посылки мне можно не посылать, разве только пирожные».

Письмо ефрейтора Вальтера Коха — 28 июля 1941 г.:

«Мое бесценное сокровище!

Сегодня для меня день счастья, потому что мы вторые сутки на отдыхе, утром играли в карты, и я за час выиграл 6 марок. В это время Вилли Гайнер, не имевший позавчера возможности отметить день своего рождения, приготовил огромный рисовый пудинг с изюмом и кремом. Это без преувеличения божественное блюдо мы уплели вчетвером за его здоровье, распив при этом бутылку советского шампанского, скажу тебе, мое счастье, совсем недур-

ного, и котелок бразильского кофе. Затем мы прослушали доклад офицера из роты пропаганды, который тоже доставил нам немало радости. За месяц мы прошли на Восток 750 км, все идет по плану фюрера, и в августе мы в любом случае должны быть в Москве. После капитуляции России наступит очередь Англии, а затем и Америки, если она сама до этого не сдастся. Все это теперь вопрос нескольких месяцев. Слово фюрера, являющееся сегодня законом не только для немцев, но и для Европы, не позже чем через полгода станет законом для всего мира. А русские, представь себе, мое сокровище, настолько тупы, что, проиграв войну, продолжают сбрасывать листовки с призывами переходить на их сторону. Эти листовки составлены столь наивно и в то время столь изоциренно, ну чисто по-еврейски. Кто раньше не чувствовал презрения к этим подонкам, научится этому здесь. Немецкого солдата никто не оторвет от фюрера, а тем более русский еврей. Эти листовки нам крайне полезны, мы используем их в качестве сортирной бумаги, хотя частенько приходится пользоваться пальцем. Но кто ж в этом виноват? Командир нашего батальона майор Зайферт убежден, что русских надо расстреливать на каждом шагу, и мы эту задачу выполняем. После доклада мы продолжали игру в карты, и выиграл еще 9 марок. Совсем не дурненько, а? Деньги эти вместе с другими, всего 50 марок, я вышлю тебе завтра. Одновременно отправлю тебе и очередную посылку. Для отправки у меня приготовлены следующие вещи. Для Пупи: костюмчик голубой шерстяной вязаный, костюмчик матросский шерстяной темно-синий с шапочкой, ботиночки новые кожаные — две пары, туфельки коричневые, варежки шерстяные красные. Все это сейчас великовато, но, когда Пупи подрастет, будет в самый раз. Для тебя, мое счастье, я посылаю: отрез шерсти темно-коричневый 3,5 метра, отрез синего шелка, туфли лакированные, мыло туалетное — шесть кусков, есть еще два золотых кольца, серьги с камешками и браслет, тоже золотые, но я не решаюсь доверить их почте — это рискованно, и вручу тебе их лично при нашей встрече. Для мамочки: две кофты вязаные — голубая и красная, чепчик ночной с вышивкой, туфли домашние и шерсть —

пять клубков. Для отца: пальто кожаное, шапка из каракуля и четыре куска подошвенной кожи. На голубом костюмчике для Пупи есть пятна крови. Но в полевых условиях вывести их очень сложно, ты же это сделаешь без труда. Ты писала о каких-нибудь картинах в золоченых рамах и других предметах искусства. Я об этом помню все время, но ничего подходящего не встретил. Здесь полно пропагандистских плакатов и всевозможно плакатов и портретов Сталина, которые русским, очевидно, заменяют иконы. Целую Вас обоих долгим и крепким поцелуем. Ваш папашка Валтер».

Письмо обер-ефрейтору Стефану Лютцлеру: «Дорогой брат, сердечный привет тебе из Фюссена!

Сегодня пришло твое письмо, и я ему очень обрадовался. У тебя, наверное, сейчас много работы?

Могу себе представить, поэтому нужно набить морду красному отродью. Такие люди не должны жить в этом прекрасном мире. Вы должны понимать, что Вы делаете историю. Для нас нет дороги назад, пока не исчезнут эти подлецы и «товарищи». Русские должны умереть, а вражеская Россия исчезнуть с лица земли, чтобы жили такие парни, как мы, немцы, и процветала Германия. Вся родина смотрит на Вас гордостью, ибо наши солдаты, как всегда, всюду побеждают.

Картинка, которую ты сделал в письме, просто фантастическая. Это партизаны? Они так смешно висят! Об этом ты должен написать подробнее. Боже, когда я вижу что-либо подобное, у меня закипает в жилах кровь и я сильно возбуждаюсь от досады нетерпения, что из-за своего возраста опоздаю попасть на фронт, чтобы уничтожить жидовских паразитов и навсегда покончить этим мусором, не успею отбросить этих недочеловеков в азиатские степи. Ведь война так скоро закончится! Твой брат Руди. 30 июля 1941 года».

Письмо обер-лейтенанта СС Карла Радера руководителю национал-социалистической ячейки.

«Восток, 2 августа 1941 года.

Герр Фридрих Мюллер!

Сейчас мы, верные солдаты фюрера, делаем мировую историю, и это мне нравится.

Лично горжусь тем, что на нашем участке был взят в плен сын нашего смертельного врага Сталина, но вы об этом достаточно читали и видели в кинохронике. Восточный фронт дал мне возможность еще более утвердиться в правильности идей национал-социализма. Всем тем людям, кто раньше был недоволен политикой национал-социалистов, не желаю ничего более худшего, кроме как на несколько побывать в этом раю «Советская страна». Советский рай — это сплошное надувательство: горчайшая бедность, дороги страшные (их просто нет!), жалкое состояние жилищ, крестьянские дворы еще хуже — грязные вонючие развалюхи; в огородах — только бураки, тыквы, бобы; жрут то, что валят свиньям, живут вместе с коровами, запахи ужасные, полно блох и кошмарная антисанитария. Русские привыкли к страдальческой жизни, у них выработана потрясающая нетребовательность ко всему — бытию, духу, радостям. Вот картинка» первого государства мира». Жалкие существа — забытые, больные, полуголодные, одетые в тряпье. Возле нас лагерь с 20 тысячами русских. Парни воняют, как свиньи. Счастлив тем, что каждого русского, которого я встретил и убил, я навсегда вылечил от коммунистического безумия. Русские же должны быть только рабами, только отобранными, физически крепким и здоровым им будет позволено после нашей победы жить и трудиться на благо и процветания Великой Германии. Своим огнем и мечом мы безжалостно подгоняем их к прекращению бессмысленного сопротивления. Единственное, что доставляет хлопоты — это партизаны, схватить которых удастся с трудом. Но руководимая мной айнзату-команда с большим успехом расправляется с ними и местным населением, которое им помогает и укрывает. За такую одну операцию-зачистку меня представили к награде. Испытываю ни с чем не сравнимое наслаждение, без сожаления убивая беременных самок, чтобы они не плодили ублюдков. Я счастлив, что нахожусь в передовом авангарде этой борьбы! Ваш верный, преданный член партии Карл Радер».

Выдержки из писем немецких солдат и офицеров, перехваченных немецкой цензурой

(отчет №19 за июль 1941 г. цензурного пункта полевой почты при 4-й армии Германии.)

О негативных настроениях в армии.

Солдат Вильгельм Витт:

«В один час погибли Яков Пельц, Иоганн Мардеус и Артур, сын господина Гунгера. Они даже не доехали до фронта, их поезд где-то под Минском взорвали партизаны. Ехавшие с ними Фриц Кенинг и Гельмут Хунгер тяжело искалечены и находятся в лазаретах в Польше. Настроение подавленное».

Унтер-офицер Ихар Бейнн:

«Наконец небольшая передышка, и я смогу дописать письмо, до сих пор русские не давали возможности из-за сильного артиллерийского огня этого сделать. К счастью, у нас хорошая крыша, наша рота расположилась в церкви. Мы переживаем дни полные успехов, но есть жертвы. Из нашего города погибли Шром, Бремер, Каре и Глаус, а Герхарду Гольцу оторвало руку».

Ефрейтор Гельмут Диттрих:

«Если русская артиллерия всегда будет стрелять так, как в последние дни, то нет сомнения, что русские скорее будут в Берлине, чем мы в Москве».

Фельдфебель Лотте Фриц:

«Находимся около Москвы. Лежим все время в окопах. Днем нельзя поднять головы, а то русские сразу открывают огонь со всех сторон. Сейчас отошли в тыл километров на пять, теперь беспокоит русская артиллерия. Кнорр, Брунер и Шмидт убиты. Лейтенант Анге пропал без вести».

Обер-ефрейтор Рудольф Витциг:

«Мы несем серьезные потери: в моем отделении из девяти человек осталось двое. Так обстоит не только у меня, но и во всех отделениях, если они еще существуют. Вместе со взводными командирами у нас в роте осталось четыре унтер-офицера, а было 22. Дорога побед стала дорогой могил».

Рядовой Людвиг Раудис:

«Вы будете удивлены, что не все так, как пишут в немецких газетах, и квартиры у русских не так плохи, как показывают в кино. В действительности все по-другому.

Я есть и остаюсь таким, как и прежде, никогда не смогу стать другим. Никогда не стану обезьяной. И никогда не буду повторять, как попугай, то, что вслед за доктором Геббельсом твердит наша пропаганда. Если мне посчастливится, и я вернусь домой, я вам все расскажу».

Рядовой санитар Эрих Нахлер:
«Сейчас мы находимся в Лепеле, его можно найти на карте. Было ужасно: все сожжено, не осталось и малой части города. Но я не видел, чтобы русские поджигали их сами. Обезумевшее население бежало среди развалин и пожарниц и спасало свои убогие постройки. Много убитых русских и лошадей. Удручающее впечатление о молодчиках из айнзатц-команд. Вместо того чтобы сражаться на фронте, они на оккупированной территории выказывают свою храбрость перед лицом обезоруженных людей, добывая штыком, прикладом еще живых. На моих глазах военврач Рохалл сорвал бинты с раненых и лично застрелил четырех русских».

Солдат Вилли Фукс:
«Для всех нас война теперь страдание. Хорошего настроения больше нет. Боевые действия становятся все упорнее. За каждый метр земли идут ожесточенные бои, и в каждом мы теряем все больше людей. Красавчик брюнет Макс убит 11 июля. Говенное это производит впечатление на сослуживцев».

Ефрейтор Герберт Роннер:
«Мой пессимизм оказался обоснованным. Русские защищают свою Родину, возможно, неумело, но не щадя своей жизни. Они сражаются с отчаянием, упорно, ожесточенно, бросая все в бой. Русские солдаты стоят там, где их поставят, пока их не убьют. Надо быть русским, чтобы выдержать это».

Унтер-офицер Вальтер Остман:
«Это очень утомительная война. Как противник, русские явно недооценены. Они храбро воюют и очень стойко, до последней капли крови, защищаются. Им совершенно все равно — погибнут они или нет, и это вызывает даже уважение. С каждым днем тает надежда на скорую до холодов победу, обещанную фюрером. Нет настроения

писать, так как не знаешь, что будет с тобой завтра. Много моих друзей убито и ранено».

Старший рядовой Гейн Нолтинг:
«От непрерывных боев нервы расшатываются, и водка является единственным лекарством. Ты не можешь себе представить, как я уже проклял эту войну, все это не имеет никакого смысла. С нетерпением жду обещанного скорого окончания войны. С меня довольно!»

Обращение немцев с гражданским населением и советскими военнопленными.

Из особых распоряжений для районов военных действий по плану «Барбаросса».

Об обращении с гражданским населением:
«Всякое активное или пассивное сопротивление гражданского населения необходимо пресекать в корне самыми строгими методами воздействия. Немецкий солдат является полноправным, абсолютным господином в занятых областях. Следует отказать от всякого доверия и справляться твердо, уверенно и беспощадно с враждебно настроенными элементами и лицами, им сочувствующими».

Развед-сводка о положении в оккупированных немцами прифронтовых районах 16-й армии. (Составлена 18 августа 1941 г. на основании агентурных данных, опроса местных жителей и командиров, возвращающихся из немецких тылов, допросов пленных, писем и дневников немецких солдат и офицеров).

Положение населения:
«Немцы, захватывая деревни, прежде всего репрессивными мерами запугивают население. Начинают с расстрела, якобы за помощь Красной Армии. Всех мужчин изолируют и направляют в Германию на работу. Женщин и девушек насилуют, молодых отбирают и увозят также в Германию. Весь скот и продукты отбирают. Населению категорически запрещены заготовка сена, уборка урожая. За нарушения расстреливают. За убийство в деревне хоть одного немецкого солдата расстреливают 10 местных жителей, а деревню сжигают».

Немецкое командование крайне обеспокоено действиями красноармейцев, окруженных в лесах. В приказе 161-й пехотной дивизии говорится: «В районе действия дивизии участились случаи нападения на наши подразделения со стороны красноармейцев, не одетых в форму. Обращаться с ними как с партизанами — в плен не брать. Расстреливать на месте!»

Положение немецких войск:
«Положение немецких войск на Смоленском направлении значительно ухудшилось. Фактов, свидетельствующих о начавшемся разложении в немецкой армии и ее затрудненном положении, много. Истощился наступательный порыв. Из-за понесенных потерь чисто немецкой части настала необходимость пополняться — чехами, поляками и финскими солдатами.

Большинство допрошенных пленных — это немцы в возрасте 20–25 лет, мобилизованы в 1939–1941 годах, которые участвовали в военных действиях во Франции, Польше, Румынии, Болгарии, Югославии. А на Восточном фронте их участие началось с 22–23 июня. В составе своих частей и соединений они прошли Литву, Латвию, Белоруссию, Украину. Названия пунктов, через которые следовали их части, многие не знали, но хорошо запомнили Минск, Брянск, Витебск, Смоленск, Новгород.

Пленные свидетельствовали, что за последнюю неделю нельзя было не только выйти из окопов, но даже поднять головы. На некоторых пленных, несмотря на лето, было надето по три пары белья: одна пара немецкая и две пары красноармейские, снятых с убитых и раненых солдат. Они заранее стали готовиться к осени и холодам. Все немецкие солдаты сообщали о значительных потерях, некоторые из рот потеряли до 50–60% действующего состава.

Допрошенные пленные считают, что Красная армия, несомненно, самый сильный противник, с которым немецким войскам пришлось сражаться. Настроение солдат угнетенное, война, с их точки зрения, затянулась и надоела. Выяснилось, что русские хорошо воюют, и немцы нередко не в состоянии сдерживать их натиск».

Обращение с советскими военнопленными:
«Всех лиц, у которых острижены волосы, независимо от того, одеты они в красноармейскую форму или в гражданскую одежду, немцы считают военнопленными и посылают в концентрационные лагеря, организованные в 50–100 км от линии фронта. В которых содержится десятки тысяч военнопленных. Офицеров содержат отдельно от солдат. Командиров Красной армии — расстреливают. Питание очень плохое. Ежедневно от ран и истощения умирают от несколько десятков до сотен советских военнопленных.

Начальник РО штаба капитан Черкасов.

Начальник штаба 16-й армии полковник Малинин».

Кристиан Шрайт «Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах». О потерях советских военнопленных:

«Из общего числа — 5 миллионов 737 тысяч 528 советских военнопленных, захваченных немцами с 1941 года — на 1 января 1945 года в германском плену, находилось 930 тысяч 287 человек, около миллиона были отпущены немцами для «усиления войск на Восточном фронте за счет добровольцев». Около 500 тысяч человек были освобождены советскими войсками в ходе боев или бежали из плена. 3 миллиона 300 тысяч погибли немецком плену или были уничтожены спецподразделениями СС, что составляет 57,8% от общего числа военнопленных.

Из 3 миллионов 155 тысяч немецких военнопленных, захваченных советскими войсками, погибли в плену от миллиона 110 тысяч до миллиона 185 тысяч человек, или от 35,1% до 37,4%». **НО**